

От работы пешком до рынка Ивану было рукой подать. С утра Ольга наказала ведро картошки купить. Сегодня он после недельного простоя ремонт машины закончил. ЗИЛ опять на ходу, двигатель с капитального ремонта поставил, резину и ту поменял. Старая резина на ЗИЛе почти облысела. Поэтому новой резине Иван радовался больше, чем концу ремонта. И настроение у него было хорошее, и день выдался добрый, без нервотрепки.

Покупать с базара Иван не привык. На Севере уже пятнадцать лет живет. За это время и квартиру в пятиэтажке получил, и теплицу успел выстроить. Огурцы, помидоры, укроп и все такое, вплоть до морковки под засолку капусты, они с Ольгой не покупали. А вот с картошкой весь поселок бедовал. Не растет она на Индигирской земле как положено. И есть у Ивана на верхних землях за рекой возле Аэропорта картофельное поле. И сажает он там картоху каждый год, но не успевает она вызреть

за короткое якутское лето. И в такое время августа еще только-только клубень набрала. В магазинах торговля картофелем заканчивается еще весной. Может, и снабжался бы им поселок круглый год — на Оле в Магаданской области его выращивают не хуже, чем в Сибири. Но складов подходящих в Индигирском продснабе нет, некуда завозить и хранить овощи и картофель. Вот и прет частник летом из Магадана трассой за тысячу километров на Индигирку, везут товары и продукты, ольскую картошку. И цена картошке соответствующая. И берут люди, покупают — деваться некуда.

Не привык Иван делать покупки на рынке. Поэтому прицениваться у старух сразу не стал. Прошел мимо «Волги» и «жигулей» от галантерейного ряда к столам под навесом. Август держался теплый, и местные старухи, кто с луком, кто с помидорами из теплиц, ежедневно пропадали здесь. Дети у них не бедные, сами всю жизнь прожили на Севере. Торговали старухи ради общения друг с другом. Многих Иван знал. Знали и Ивана многие. Обходя ряды, здоровался, с ним здоровались. Не предлагали: знали, что он тоже тепличник и хозяин. Торговало много и приезжих с материка. Навезли арбузов самолетами, южных фруктов.

Поселковый рынок тесный и разгуливать зевакой негде. Иван направился к галантерейному ларьку.

У краснорожего владельца вишневых «жигулей» картошка Ивану показалась крупнее. Молодая, в тонкой розоватой кожуре, от грубой ладони лупится, а без шкурки такая картошка на белое заграничное мыло смахивает. По-хозяйски-то рано еще такую копать.

— Почем ведро? — Иван порылся в кармане брюк, отыскивая червонцы.

— Двести...

— Не понял? Двести... — перестал он рыться в поисках денег. — В прошлом годе в это время сорок стоила.

— Так то в «прошлом годе», — передразнил барыга. — Не бери. Кто тебя неволит?..

Хоть день стоял и теплый, хозяин картошки сидел на пивном ящике в собачьей поддевке, накинутой поверх клетчатой байковой рубашки. Короткая и мощная шея бугая подпиралась

стриженным затылком в жировых складках. Время от времени он отирал этот затылок грязной тряпицей и зачем-то ее нюхал.

Иван помялся в нерешительности. Деньги есть. Но дорого! Подошли двое китайцев и купили ведро картошки, не торгуясь. Барыга нагребал каждое ведро из багажника автомобиля клешнястыми руками грубо. Картошка гулко перекатывалась в его неловких руках, будто и не продукт это, возвращенный и выхолонный собственными руками, а речная галька, которую, если и кончится, не жалко.

— Надумал, мужик? Бери, картопля добрая. — С усмешкой поглядывая на Ивана, барыга опять уселся на ящик, с которого поднимался для продажи картошки китайцам.

— Мне... полведра, — озлился Иван. Своя картошка растет за рекой на поле, но ремонт машины не позволял съездить. Полведра действительно хватит на пару дней. А там, наведается и на свое поле.

— Может, тебе ешшо свешать? — искренне удивился барыга.

Настроение как косой срезало. Даже о новой резине Иван забыл и не радовался вроде бы минутой назад вот этому высокому солнцу, голубоватой дымке в небесах, горам вокруг поселка, жизни.

Сдержал себя Иван. Тихомолком подставил пасть черной болоньевой сумки.

— Ниже подставляй... — Не поднимая задницы с ящика, барыга сыпанул из ведра, глянул в него и уже руками ополовинил.

Картошка и в самом деле была добрая. И в таком ведре, как пластмассовое, десятка два картофелин едва помещалось. Иван подождал сдачу с пятисот рублей. Взвесил в тяжелой своей шоферской руке легкую, почти невесомую сумку. Усмехнулся. Так ему захотелось съездить этой сумкой по бессовестному лицу барыги, что едва не совершил этого. Но мужик уже рылся в багажнике, дополняя ведро.

В подъезде возле почтовых ящиков Иван задержался. Почту носили всегда после обеда, и была она сейчас в ящике. Забирали

газеты обычно он или Ольга, когда детей не было дома. Из многих ящиков почта уже вынута. Иван достал свои газеты, аккуратно вложенные в ящик добросовестной рукой почтальона Веры. Удобно и приятно жить в маленьком поселке в стороне от шумных городов. Народ живет годами без текучки, гнездится, рождает детей и растит, учит. Поселковые дети посещают одни ясли-сады, совместно начинают и учатся в одних школах. Мир тесен. В поселке на Индигирке две десятилетки. Дружат с детства. Вместе едут и поступают в институты. Здесь чужой беды не бывает. Потрясения тоже редки: некому воровать и грабить, убивать и угонять машины. Все дела решаются по кругу, знакомством и уважением. Основан поселок Усть-Нера в августе 1937 года, первый барак поставлен геологами в устье реки Неры в излучине Индигирки. Магаданская Колымская трасса заканчивается в поселке Угловом, это еще 140 километров на юго-запад за Усть-Неру. За Ольчанским перевалом. На богатейшем золотодобывающем прииске «Маршальском».

Район гористый, таежный, много рек и озер, богатых рыбой. Мужиков сводит рыбалка и охота, бабы копаются в теплицах под стеклом, выращивают даже арбузы до 10 килограммов. Горнопромышленный район кормится с добычи золота. Поэтому и почтальонка Вера, и старухи на рынке — цельный для души мир. Оттого и счастье в людях, покой и рассудочность в делах: крепко земные заботы держат людей на земле.

Может быть, и не заметил бы Иван такой добросовестности почтальонки Веры, не подумал бы об удобствах жизни в глухом районе Севера, если бы не барыга на рынке, вызвавший сильное раздражение. И дело даже не в нем. В воздухе ощущалось наступление другого времени, раскатного и безалаберного. Понималось, что с приходом таких барыг порушится и вся нормальная, осознанная жизнь.

Среди газет оказалось и письмо от дочери Александры с Ромкой из пионерского лагеря. Иван вскрыл его тут же, у ящиков, прочитал. Получалось, что через два дня пионерское лето заканчивалось и надо за детьми ехать. Пионерлагерь в двадцати километрах от поселка на окружной дороге за Аэропортом. На моторной

лодке вверх по реке и десяти верст не будет. Место для лагеря отдыха детям выбрано там не случайно: только там березовая роща. Больше настоящая береза нигде не встречается в Оймяконье, на мшаниках и в распадках кустами растет, с копеечной листвой. И грибов вокруг пионерлагеря в хвойном бору пропасть, и ягод для детей полно. И высокая весенняя вода Индигирки не затопляет пионерлагерь в паводки. Сказочная страна! Север. Сказочная здесь и жизнь...

Сын Ромка слезно просил отца приехать на своем самосвале, любил он с отцом по выходным дням прокатиться, случалось, и в рейсы на прииски брал парнишку с собой Иван. Дочь Александра — помощница по дому добрая, в теплице Ольга выращивала к школе шикарные георгины и гладиолусы. Цветы цветут пышно и ждут своего школьного часа на линейке. Особенность климата и короткое лето, вечная мерзлота, где ни копни, надоемили первопоселенцев выращивать овощи и цветы, арбузы и дыни в закрытом грунте теплиц. Строили теплицы похожими на дворцы, рядом рубили из бревен баньку на протоке, в летнее время там и пропадали семьями. Пили вино, ночи светлые — без темноты, обходились в застольях без огня: судили-рядили, пели песни и радовались молодости и жизни. Любили детей, жен и свою работу. Но накренилась держава. Домысливать Иван не стал, надоели разговоры о политике в гараже.

«И вотще, — заканчивала дочка любимым словом письмо, — приезжай на день раньше. Мы с Ромкой очень соскучились по Бимке и очень любим тебя, папа, и маму».

Письмом Иван остался доволен. Обычно дочь обращалась к матери в письмах. Но здесь просила его приехать за ними на машине. Многие так и поступят, заберут своих детей своим транспортом. Общие автобусы, полные детей, отправляются только в начале пионерского сезона. Народ на Индигирке зажиточный, зарплаты в геологоразведке, на руднике, на обогатительной фабрике, в старательских артелях и на госдобыче золота высокие. О старости люди думают. Покупают дома на материке. Машины пригоняют в Якутию. Главная жизнь человека проходит здесь. Грибы и ягоды

без машины и моторной лодки на реке Индигирке сложно добывать в изрядных запасах на зиму, хотя и за поселок выйди — везде они, эти грибы и ягоды. Но понастроили люди на берегах Индигирки домиков — летние дачи. Семьями и компаниями отдыхают. Моторных лодок вдоль берега на покой воде штук триста болтается на привязи. Баржи-самоходки до приисков груз, пыхтя на стремительном течении, таскают. Поселок с конца в конец за десять минут пройти можно, а два ресторана и пара кафе, добрый стадион, каменный спорткомплекс с бассейном, два кинотеатра. Два микрорайона высоток. 14 тысяч жителей северян. И все где-то работают, все довольны жизнью. На пенсию редко кто отбывает на материк в родные места, живут до глубокой старости на Севере при детях и внуках здесь. Здесь и помирают. Иван и Ольга — красноярские чалдоны, сибирский народ оседлый, мало бродяжит по Северу, по этой причине у Ивана здесь земляков с Енисея нет. Основная рабочая масса из Донецка, дальневосточники и иркутяне, много трудится людей с Урала и из Казахстана. Так называемый обмен горными ресурсами: профессии специфические. Ольга после института на горно-обогачительной фабрике работает. Иван в свое время окончил автодорожный институт, и нравилась работа механиком в автобазе.

И решил Иван: за детьми поедет завтра. Поднимался по каменным ступеням на четвертый этаж, тепло думал о детях, улыбался своим мыслям. Память о детях — самая сладкая для души отрада. Александра — мамина юбка. А Ромка, девятилетний подросток, — для Ивана весь смысл.

Дети в квартире Ивана и Ольги гуляли вольно. Ольга никогда не прятала от детей конфеты, яблоки, которые Иван коробками покупал. Александра как-то подсадовала за ужином: «У нас соседке Лильке все можно», ехидно поглядывая на Ромку. Девочка нравилась сыну.

— А у Лильки мать конфеты занывает, когда девочки собираются. Наш папа ящик яблок купит — все у нас! Пока этот ящик яблок за неделю не съедят, не выгонишь никого.

— Доча, разве так можно о подругах, — нахмурится Ольга. — Вырастете вы все — не заметите и когда. Разъедетесь по разным

углам в институты. Многое забудется, а отцовские яблоки на Индигирке никогда не забудутся.

На площадке Иван придержался, позвонил для верности. Нет, Ольга еще на работе. За дверью залаял кобель Бим.

Пес встретил как обычно, прыгнул лапами на грудь и заплясал, закрутил хвостом. Иван наклонился, дал псу лизнуть щеку, обнял его за шею, взгляделся в добрые звериные глаза.

— Завтра увидишь своих любимчиков, — отпустил пса.

Прошел на кухню, поставил сумку с картошкой за стол под раковину. Вернулся к двери, надел Биму ошейник с жетоном и выпустил гулять.

В квартире после дневного пекла стояла духота. В большой комнате Иван раздвинул плотные портьеры, распахнул свежему воздуху окна.

Белые ночи мешали спать, и шторами спасались. Иван любил в поздние часы постоять у распахнутого окна, любил слушать поселок с высоты четвертого этажа. Гул моторок слышен на реке всю белую ночь, пустой брех собак в частном секторе. Оттуда наволакивало тальниковый дым: коптят рыбу; голоса украинские песни.

«А ведь никакое лихо нас не переменит. Поют люди», — говорил Иван Ольге.

«Это вам, мужикам, море по колено, — отзывалась Ольга из постели. — А тут и во сне иногда думаешь, чем вас завтра кормить...»

Жалел и любил свою жену Иван. Жалел так, как редко кто жалует своих жен. Работа на горно-обогатительной фабрике для баб не мед. Понимал это Иван и старался во всем помогать жене. Сам огурцы в теплице опылит, и помидоры подвяжет, и польет, а в субботу баню вытопит. Люди поднимали стеллажи по периметру теплиц, в коробах земля для посадки картошки, только и успевает она до первых заморозков ботву поднять, да клубень чуть больше куриного яйца родить. Поэтому и расчистил на террасе высоко над рекой Иван участок земли две сотки, где

старожилы картошку сажали, и картошка урождалась не хуже этой, что сегодня купил.

«Черт с ним, с барыгой», — успокоился окончательно Иван.

Успокоился и забыл. В дверях уже шуршала плащом Ольга. Он поспешил жену встретить. Пришла она, как всегда, нагруженная авоськами. Иван принял у жены сетки из рук, по очереди поднимая их до глаз, осмотрел содержимое. Ольга принесла австралийскую баранину и кочан капусты, которую завезли для работников фабрики из Магадана. В послевоенные годы в совхозе «Дружба», что в километре от райцентра, на полях выращивали отличную капусту. Сейчас ее завозили с Олы, где на границе с Приморьем выращивают овощи и картошку для населения Магаданской области и Чукотки. Оттуда же везут красную рыбу и кетовую икру. Климат на Оле мягкий, не то что в Оймяконе, где минус шестьдесят в отдельные годы прижимает в январе-феврале.

На фабрике побывали гости из министерства, и весь день маета, а не работа. Бабы поговаривают, что талоны на водку скоро отменят, и в полной тревоге от этого: опять мужики запьют. Все это Ольга успела сообщить мужу, освобождаясь поочередно от сапог, а когда прошла в зал и упала в кресло, забылась, вытянув натруженные ноги. Очнувшись, Ольга напомнила о детях, которым пора быть дома через пару дней. Иван принес письмо из кухни, где оставил на столе. Ольга читала и улыбалась. Иван наблюдал. Ольга всегда волновала Ивана. В девках Ольга была худощавой. Сейчас все в Ольге вызрело, соком налилось...

— Иван, а картошки-то ты купил? — дочитала она письмо и как будто о чем-то вспомнила. — Я капусты принесла. Ох, и щи же получатся!

В щах толк Иван понимал: После загса так и сказал, что любит «щи — покислей, да любовь потесней».

Много лет так и ведется в их семье.

— Щи — это прекрасно! — полез Иван обниматься. — Но сначала — любовь!

Потом они долго не поднимались. Уже и заря погасла, и гулчей, слышней стали гудеть моторки на реке, в распахнутые окна

повеяло прохладой, дымком от печей теплиц. Уже и Бим на площадке терял терпение: вернувшись с прогулки скулил, а теперь сердито и басом взлаивал, мол, знаю все, понимаю, но и меня пожалейте. А Иван с Ольгой все перебирали, вспоминали свою совместную жизнь, молодость. Обоим и сорока еще нет, а нажились, кажется, так, что на три жизни хватит. Когда успели? Институты окончили, детей родили и подняли, жилье и на Севере и в Сибири имеется. Много, оказывается, успеть можно к сорока годам жизни, если трудиться не покладая рук. Был бы смысл жизни. А у Ивана с Ольгой этот смысл — дети, престарелые родители в Сибири.

Жила бы страна родная.

Детей Иван забрал из пионерлагеря без хлопот. Задарил огромный арбуз воспитателям Ромки, поклонился благодарно дочкиным наставницам, директору лично руку пожал. Прощальный костер отдыхающие дети провели общим сбором минувшей ночью. И к полудню детский лагерь казался вымершим. Иван повел от ворот своих детей лесом к своему самосвалу, оставленному на стоянке в березняке. Такое правило для приезжающих. Под ноги часто попадались перезревшие маслята, и дети принялись носиться и собирать грибы. Иван подпер подножку кабины и щурился благостно на солнышко, дышал осенней прохладой леса. Славный день!

Для Севера лес уже был осенним, хотя август еще неделю продержится. Чистый и светлый, дышал лес запоздалой своей любовью к теплу и солнышку, листва на березах потеряла яркость и, матово-зеленая, вяло трепетала под гуляющим свежим ветерком с Индигирки. Склоны сопок пылали на солнце багряными мхами! Грибов этот год уродилось — хоть косою коси. И дети набрали маслят полную сумку. Иван решил, что на обратном пути заедет на картофельный участок и выкопает десяток кустов картошки, кожурой она пока тонкая. Но детей кормить надо.

Дети угнездились в кабине. Иван тронул свой ЗИЛ. На ходу Ромка перебрался на колени отца, Иван отдал ему руль. Проселочная дорога в гору, сильно не разгонишься. Ромка машину

водит давно и сам, достает ногами до педалей газа и тормоза. Поехали небыстро. Иван слушал детей, следил за дорогой и отдышал душой.

Выбрались с проселка от реки на верхнюю главную автодорогу. Ромка сполз с коленей отца и примолк рядом с сестрой. Распахнутое левобережье своей красотой дух захватывало. Долина в лесах широкая. Индигирка блестит на открытых местах, и тяжеломерно и густо темнеет осенняя вода под прижимами скал. Горы уходят вершинами к редким облакам. Далекое пространство раздвинуто долиной реки Неры, впадающей в Индигирку. Там поселок Усть-Нера. Дорога идет по высокой полке сопки. Иван успевает не прозевать поворот на участок и за мостом сворачивает машину на лесную дорогу, просветом прямой просекой до самой реки. Там картофельный участок. Оттуда поднимался вишневый «жигуленок». Иван прижался к обочине, пропустил легковушку, профессиональная привычка отметила номер легковушки. И дрогнуло сердце: вчера из багажника этих вишневых «жигулей» барыга продал Ивану картошку. Номера не якутские — магаданские.

Слева открылась посадка Ивана. Поле было выкопано сегодня, земля еще на корнях ботвы не обсохла. Иван не поверил своим глазам: кража на Севере — равносильна смерти вору. Здесь свой суд и своя расправа. Крупная картошка собрана, мелочь брошена на корнях. Дети ничего не понимали, сюда он их никогда не брал. Управлялись с Ольгой, с двух соток пять мешков крупной картошки всегда накапывали. Иван завез на участок десяток тонн навоза от коровников в совхозе «Дружба». Открытое место, солнцепек высоко от речных туманов, успевала здесь картошка набрать клубень и вес. Дозревала картошка дома в деревянном ларе, который Иван сколотил из досок на теплой лестничной площадке. До нового года хватало семье, там уже покупать приходилось.

Иван вернулся к самосвалу. Спокойно сел за руль, спокойно поехал. В поселке свернул к рынку. Дети переглянулись, притихли. Все дети поняли. Его, родные, на мать и отца похожие дети ликами и мыслями, поступками и сердечным отношением к жизни.

«Жигуленок» стоял на прежнем месте. Как и вчера, барыга сидел на пивном ящике, а в заднем багажнике, под капотом, желто свежела в земляной пыли картошка. Картошка с участка Ивана. И была эта картошка с виду точно такая же, которую Иван купил у этого барыги вчера. Много приезжих с материка киргизов, картошка расходилась у барыги быстро.

— Какая цена? — сдерживая ярость, процедил Иван. Барыга не обратил внимания на синий ЗИЛ-самосвал, который встретился ему полчаса назад на выезде, где он копал чужую картошку. Но Ивана по вчерашним полведра при покупке запомнил.

— Двести. Будто не знаешь? Ты же вчера у меня брал.

Дочь ждала в кабине. Ромка стоял рядом, вцепился в правую руку отца. И эта детская рука, цепко державшая его мужской кулак, мешала принять правильное решение

— Па-ап, — тихо позвал сын. — Пошли... Мама ждет...

Синего красавца ЗИЛа Иван поставил в гараж и шел с детьми домой пешком. До недавнего дня школа на центральной улице ремонтировалась. Стояла в строительных лесах. К началу учебного года здание побелили в желтый цвет, и дети радовались за свою школу. Поселковое радио передавало последние известия: «На полях России вызрел небывалый урожай...»